

АДА АМБУС (Таллинн)

ОБ АДАПТАЦИИ РУССКИХ resp. СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОДСКОГО ЯЗЫКА

Русские заимствования в водском языке представляют собою сравнительно обширный и при этом чрезвычайно сложный материал. При описании их прежде всего встает вопрос о хронологии, т.е. о начале контактов со славянами и т.д., а также вопрос определения — какие заимствования считать русскими, какие — древнерусскими или (обще)славянскими. Тесно связана с этими вопросами проблема западнославянских контактов. На возможные контакты прибалтийско-финских племен с западными славянами указывали К. Вилкуна (Vilkuna 1949 : 15—43), Я. Калима (Kalima 1952) и П. Аристэ (Ariste 1952 : 648—706). Много новых данных о западнославянских миграциях появилось в литературе по археологии и русскому средневековью в связи с изучением истории Новгорода (кратко о проблеме и литературе см. Кузьмина 1980 : 51—59). Возможность западнославянских контактов и западнославянских заимствований приводит к необходимости уточнять периодизацию ранних заимствований и контактов, но в данной работе эти проблемы не анализируются. Тем не менее в ряде случаев совсем обойти их оказалось невозможно.

В статье использована картотека водской лексики, составленная в ходе подготовки к изданию словаря водского языка. Слова в единичной записи не принимались во внимание, как и слова, записанные только у одного информанта. Не рассматривались терминология водских моряков, а также религиозно-церковная лексика, как в основном заимствованная и в русском языке. Транскрипция примеров в статье упрощена, не акцептировались разновидности палатализации по говорам, а также различия в долготе конечного гласного в форме родительного падежа единственного числа и т.д. Опущены пометы, указывающие водский говор.

Следует подчеркнуть, что автор, пытаясь выяснить некоторые характерные черты адаптации славянских resp. русских заимствований в водском языке, в рамках одной статьи не в состоянии проследить все соответствующие заимствования в водском и, например, установить их количество.

Славянские resp. русские заимствования попадали в водский язык устным путем. В процессе заимствования происходила не только субституция чужих фонетических элементов своими, но и особое восприятие структуры слова, осмысление чуждых морфонологических единиц, определение слож-

ности или несложности, производности или непроизводности заимствованного слова. На основе такого осмысления структуры чужого слова и возникает новая морфонологическая членимость его. Например: русское производное *бочка* (корень *боч-* + суффикс предметности *-к-* + окончание ж. р. *-а*) воспринимается как двусложная основа на *-а*, в которой согласные на стыке 1-го и 2-го слогов подвергаются чередованию ступеней — *botška* : *bodžgā*; ср. также рус. *будка* (в произношении *бутка*) → *butka* : *budgalla*, аналогично вод. *matka* : *madgalla* 'поход : в походе'.

В качестве основы заимствования, по-видимому, не следует в каждом конкретном случае стремиться определить какую-либо реальную форму слова. Основой заимствования может быть абстрагированная форма (Kalima 1911 : 31—57). Очевидно, такая форма может быть и контаминацией нескольких словоформ в зависимости от частотности употребления падежных форм конкретного слова (Mikkola 1938 : 40—41). Такая как бы сводная форма образуется в процессе устного заимствования как вывод из ряда ассоциативных суждений и осмыслений, ориентирующихся на систему родного языка.

Для автора вопрос морфологической адаптации русских заимствованных существительных в водском языке — это прежде всего вопрос об усвоении носителем водского языка последнего и предпоследнего слогов славянского resp. русского слова. При этом не достаточно установить лишь субституцию звуков. Последние слоги несут в себе морфологическую информацию. Поэтому при восприятии их происходит не только субституция звуков, но и переосмысление фонетической и морфологической структуры иноязычного слова, в ходе чего оно морфологически определяет-ся как слово водского языка. Поэтому необходимо проследить,

- 1) как адаптируются конечный гласный или конечные гласные славянского resp. русского слова, т.е. как происходит становление гласного основы,
  - а) как проявляется гармония гласных,
  - б) какие гласные образуют прибалтийско-финские словообразовательные суффиксы;
- 2) как адаптируется конечный или последний (последние) согласный (согласные) слова, т.е. какие согласные в каких случаях
  - а) включаются в систему чередования ступеней согласных,
  - б) входят в состав водских resp. прибалтийско-финских словообразовательных суффиксов, что не исключает чередования ступеней согласных.

Водский язык сохраняет конечные гласные в исходе слова — стертость их наблюдается только в некоторых западных говорах (дер. Лужицы и особенно дер. Краколье) и объясняется явлением сандхи (Ariste 1968 : 6). Поэтому каждое русское resp. славянское заимствование в процессе адаптации принимает определенное гласное окончание. Если оно уже имеется в языке-источнике, то может сохраниться в случае соответствия его системе водского языка.

Субституция русских resp. славянских гласных прибалтийско-финскими и в том числе водскими гласными рассмотрена подробно в работе Я. Калима (Kalima 1956 : 24—27), но его выводы не касаются конечных гласных.

В данной работе рассматриваются водские гласные основы на *-a*, *-ä*, *-e*, *-i*, *-o* и *-u(ü)*.

В прибалтийско-финских языках гласные основы *-i*, *-o* и *-u(ü)* двузначны — они же являются суффиксами, однако предлагаемого материала это не касается, поскольку гласный *-i* в виде самостоятельного суффикса в водском языке не отмечается (Ariste 1968 : 115—118), а *-u(ü)* и *-o* выступают в

качестве суффиксов при отглагольных основах. Лишь в связи с основой на -o будет сделан экскурс ввиду явного деминутивного значения этого суффикса.

Некоторые заимствования, в результате адаптации приобретающие ясно выраженную форму водских производных, могут быть рассмотрены особо.

Основы на -a

К водским основам на -a относится много заимствований из русского языка.

1) Слова женского (resp. мужского) рода с твердой основой на -a в языке-источнике: *baba* < баба, *botška* < бочка, *de-ruga* — род половиков < *дерюга*, *grētšina* < диал. *гречина* 'греча', *kalkkala* (зафиксированы и варианты с основой на -e) 'семенная головка льна' < *колоколка* то же (Даль II 139), *kā-ska* < *сказка*, *plī-tta* < *плита*, *rō-ppa* 'каша' < *крупя* (Posti 1959 : 317—319), *(s)pitška* < *спичка*, *u-tka* < *утка*, *tse-pa* < пск. *цепá* 'цепь' (Даль IV 579). Интересно отметить, что некоторые русские слова этой группы имеют ударение на окончании, например, *плитá*, *крупá* и т.д., что могло способствовать сохранению окончания как конечного гласного водской основы. Здесь же уместно привести слова *kūta* < *кумá* ~ *кум* и *bordovittsa* < пск., новг. *бородавица* (СРЯ 295; зарегистрировано только в восточном говоре в дер. Ицепино) 'бородавка' (отсутствие полногласия?).

2) Слова мужского рода с основой на согласный в языке-источнике, приобретающие в водском -a: *droba* < *дробь* (Даль I 492) 'дробь (охотничьи принадлежности)', *loba* < *лоб* (слово с беглым гласным, который в заимствовании сохраняется), *pīrga* ~ *pīraga* < *пирог*, *sā-ppaga* < *саног*, *siňakka* 'синий холщевой сарафан' < диал. *синяк* 'летний холщевой сарафан (с синим узором или отделкой)' (Лебедева 1971 : 57), *sta-kana* < *стакан*, *su-sseda* < *сосед*, *vo-roga* < *творог*, *žī-vatta* 'скот' < *живот*.

3) Слова мужского рода с основой на согласный и беглым гласным в русском языке:

а) с суффиксом -ok: *ko-lpotška* — головной убор замужних крестьянок конца XIX—начала XX века < *колпачек*, *mo-lotka* < *молоток*, *o-bahka* 'гриб *Boletus*' < *обабок*, *po-darkka* < *подарок*, *pātka* 'моток ниток, пряжи' < *пяток*, *rubajka* < *рубанок*, *verška* < *вершок* (можно отнести сюда *пирог*, воспринятое как слово на -ok — при произношении оглушение [пирок] — и встречающееся в большинстве водских говоров в форме *pīrga* «без беглого гласного»!);

б) с суффиксом -eц: *garttsa*¹ < *гарнец*, *kupsa* ~ *kuptsa* < *кунец*, *le-denttsa* < *леденец*, *ñemtsa* < *немец*, *ru-psa* ~ *ru-ptsa* < *рубец*, *to-rgoftsa* < *торговец*, *ve-nttsa* < *венец*. В некоторых случаях слова на -eц адаптированы иначе, видимо, они восприняты как слова женского рода на -ица: *ga-sniitssa* < *гостинец*, *ro-dimittsa* < *родимец* 'эпилепсия';

в) некоторые слова с беглым гласным в основе слова, оканчивающиеся на -р и -л: *ba-gra* < *багор*, *-uzla* < *узел*. Последнее выступает в составе слова *primuzla* 'приуз'², образовавшегося в процессе адаптации, как результат известной деетимологизации диал. *привуз* : *привуза* 'приуз'. Слово (-)уз < *úza* (Даль IV 478), видимо, в ходе заимствования воспринято как *узел* : *узла*.

¹ Две записи из деревень Краколье и Пуммалицы в форме *garnittsa* представляются, видимо, поздними вторичными заимствованиями.

² В усть-лужском и сойкинском говорах ижорского языка имеется то же слово: «*primulzla* s. ... riuša, puintiase. ... vrt. ven. murt. привуз.» (IS 430).

4) Слова среднего рода с твердой основой, оканчивающиеся в языке-источнике на *-o*: *a-kkuna* < окно, *d'e-la* < дело, *do-bra* < добро, *do-lotta* < долото, *ka-dila* < кадило, *ķerģta* < корыто, *littsa* < лицо, *o-dejala* < одеяло, *pīrta* < бёрдо, *rästoga* (встречается и с основой на *-o*: *rästogo*) < рождество, *su-dna* < судно, *sū-kkuna* < сукно, *tši-sla* < число, *tšū-tšela* 'шутник' < чучело, *voiska* < войско, *ze-rkkala* < зеркало. Сюда же относятся некоторые слова среднего рода — *gul'aña* < гуляние, *pidana* < приданое.

5) К водским основам на *-a* принадлежат и некоторые слова женского рода с мягкой основой в русском языке, например, *kōntala* < кудель ~ куделя. Выше указаны *droba* 'дробь' и *tsena* 'цепь'. Сюда же относится слово мужского рода *куль*, вод. *kul'a*.

6) К водским основам на *-a* следует причислить некоторые русские заимствования *plurale tantum*, например, *gla-ža* 'морозка' < диал. *глажи*, *sū-tka* < *сутки*, *mahrad* < *махры* (Лебедева 1978) 'кисточки (бахрома)'. Некоторые из них сохраняют множественность и в водском языке: *kā-tsad* < *гачи*, *i-meninad* < *именины*, *ro-tiŋkad* ~ *romitkad* < *поминки*. Последние два слова примыкают к названиям семейных праздников, употребляемых в водском языке, как и в других прибалтийско-финских, во множественном числе.

В заключение заметим, что к основам на *-a* относятся заимствованные русские слова с твердым окончанием и конечными согласными *k, g, l, n, ts, b*. Для группы заимствований на *-a* типичны и русские слова с беглым гласным, которые заимствуются без этого гласного. Большинство славянских resp. русских слов, заимствованных водским языком как основы на *-a*, имеют в первых слогах гласные заднего ряда.

Основы на *-i*

По объяснению Я. Калима (Kalima 1955 : 58), основу на *-i* получают прежде всего

1) слова мужского рода с мягкой основой (II склонения), например, *bohatteri* < *богатырь*, *bo-ndari* < *бондарь*, *kasuri* < *косарь* 'большой нож', *kaššali* ~ *koššeli* < *кошель*, *putti* < *путь*, *zvē-ri* < *зверь*. Сюда же относится, видимо, *rāssali* 'скупщик рыбы, прасол' < древнерус. *прасоль* (в новгородской речи XVII века зарегистрировано и *прасола* (Мирецкий 1970 : 54)), а также *lāpatti* ~ *lāpotti* ~ *lāputti* < *лапоть*, которое адаптируется вместе с беглым гласным.

2) Слова в языке-источнике женского рода с мягкой основой (III склонения), например, *drāni* 'гной' < диал. *дрянь* то же, *kātteri* 'набедренник (элемент женской народной одежды)' < *скатерть*, *nītti* < *нить*, *snā-sti* < *снасть*.

3) Слова мужского рода с твердым окончанием в языке-источнике. Кроме имеющих во всех прибалтийско-финских языках трех заимствований — вод. *rappi* < *нон*, *rissi* < *крест*, *siŋppi* < *серп* — можно привести целый ряд и более новых заимствований, например: *bezbeni* < *безмен*, *hūttari* < *хутор*, *klē-veri* < *клевер*, *sa-kkali* < *сокол*, *sē-veri* < *север*, *sel'sove-tti* < *сельсовет*, *stō-rozi* < *сторож*, *ušatti* < *ушат*. К этой группе относится, видимо, и *rajari* < *боярин*.

А. Плөгер уточняет адаптацию слова: основой заимствования фин. *rajari* может быть или диал. *бóяр* ~ *бояр* или же форма мн.ч. *бояре*. В случае заимствования словоформы *боярин* утрата *-n* объяснима ассоциацией его с окончанием генитива *-n* или эссива *-na* (Plöger 1973 : 117, 131). Однако в водском языке мы не обнаружили фактов утраты *-n* из-за ассоциативных суждений в связи с падежными окончаниями на *-n*, например, *grēttsina* < диал. *гречина* 'греча', но есть и факт утраты *t* после *r*: *kātteri* < *скатерть*. Забегая

вперед, можно сказать, что *r* + гласный основы *-i* порождают ассоциацию с суффиксом *-ri*, означающим лица (*rajarī* 'боярин' — в основу легли многочисленные диалектные и морфологические формы без *n*, о чем А. Плёгер и говорит) и предметы (*kāterri*).

К основам на *-i* относятся и следующие слова:

- а) *vārtsi* ~ *värtši* 'мешок, веретá' < западнослав. *vereča*, рус. *веретье*³;
- б) слова женского рода с окончанием *-a*: *grīsi* (~ *grīza*) < *грыжа*, ср. диал. *грызь* ~ *грызь* (Даль I 401) и *komnatti* < *комната*;
- в) два слова женского рода с мягким окончанием на *-a*: *pakli* < *накля*, *petli* < *петля*;
- г) одно слово на *-ok*: *tantšiad*, *tankissa* 'пояс' < диал. *станок* 'стан рубахи' (Posti 1966 : 80—81); зафиксировано дважды в фольклорных текстах, в одном случае имело место типично-водское изменение *k* < *tš*, *tantšiad* (им. п. мн. ч.), в другом — *tankissa* (иллатив ед.ч.) — *k* сохраняется (вариант *tankki* (*tankissa*), записанный в Краколье, видимо, представляет собой результат ижорского влияния, если не является прямым ижорским заимствованием). Слово адаптировано без беглого гласного.

К основам на *-i* принадлежат русские слова *plurale tantum*, сохраняющие в заимствованиях гласный *и* в конце слова: *jasli* < *ясли*, *kudri* < *кудри* (в русских диалектах встречается и форма ед. ч. — *кудря* (Даль II 211)), *sāni* < *сани*.

Водские основы на *-i* имеют как твердый, так и мягкий исход. В исходе заимствований встречаются главным образом согласные *l', l, r', r, t', t*; обнаруживаются и *z* и *ž*; *n* выступает редко, практически отсутствуют заднеязычные.

Основы на -o

Основы на *-o* приобретают

- 1) ряд заимствований мужского рода: *brātko* 'братец' < диал. *браток*, род. п. *братка* — слово с суффиксом *-ok*; *domovikko* 'дух — хранитель дома' < диал. *домовик* 'домовой', *dädo* 'дядюшка' < *дядя*, *koššo* 'маленькая корзинка из бересты' < *кош*, *ku-polo* < (Иван) *Купала*, *räto* < *ряд*, *sūto* 'решение суда, суд' < *суд*, *vārpo* 'воробышек' < слав. **verb-* (Kalima 1955 : 138);
- 2) слова женского рода в языке-источнике: *lātko* < *латка* ~ *ладка*, *māto* < *мама*, *mātakko* < диал. *мамка* 'мамочка', *räsedo* 'парник, рассадник' < *рассада*; только во множественном числе употребляется *sānikko* < *санки*;
- 3) Слова среднего рода с твердой основой на *-o* в языке-источнике: *rästago* (в дер. Каттила и Йыепера) < *рождество*, *bratko* < диал. *братко* (см. выше);

Однако слова, принявшие *-o* в конце основы, целесообразно рассмотреть и с точки зрения их значения.

Водские слова с основой на *-o* в действительности являются производными; присоединяясь к основе существительного, *-o* выполняет часто функцию деминутивного суффикса. Нередко с помощью суффикса *-o* образуются уменьшительно-ласкательные формы от имен, проникших в водский быт с принятием православия: *Ma'o* от *Мария* > *Mārja*, *Mat'o* от *Матрона* > *Mat-rona*, *Va'o* (< *Варя?*) от *Варвара* > *Va-rvara*, *Vašo* (< *Вася?*) от *Василий* > *Vasil'*, *Vasel'*, *Vasel'ä*.

³ Исходя из данных прибалтийско-финских языков, Я. Калима указывает, что основой заимствования может быть словоформа *vereča, имеющаяся в западнославянских языках, но он предполагает наличие словоформы и в древнерусском языке (Kalima 1955 : 143).

Русские заимствования (существительные) с основами на *-o* несут обычно деминутивный оттенок значения, не имея при этом, как и водские деминутивные слова на *-o*, параллельной недеминутивной формы. Поэтому слова на *o-* рассматриваются в данной статье в разделе гласных основ.

Слова с деминутивным значением (главным образом мужского рода) можно распределить на группы:

а) термины родства: *brätko* 'братец' — основой заимствования могут быть как *браток*, так и диал. *brátko* 'братец', *dädo* 'дядюшка' < дядя, видимо, единственное имя нарицательное, имеющее параллельную нейтральную форму *dädä*; из основ женского рода — *māto* 'мамочка' < мама, *mātakko* < диал. мамка 'мамочка';

б) названия реальных и мифологических существ: *domovikko* 'дух — покровитель дома' < диал. *домовик* 'домовой'; *värpo* 'воробушек, воробей'. По Я. Калима, в водском, эстонском (*värplane*) и ливском (*veřblijki ~ veřmlijki*) представлена древнеславянская огласовка **verb-* (древнерус. *веребуи*);

в) названия небольших предметов: *koššo* 'коробочка из бересты' < *кош*, *lätko* 'миска, керамическая сковорода' < *латка ~ ладка*, *rässädo ~ rässedo* 'рассадник, парник' < *рассада pars pro toto*, *sānikko* 'саночки' < *санки*.

Интересно отметить, что и русский деминутив на *-ok* может иметь вариативную водскую основу на *-o*. Это отмечено только в *brätko* < *браток* и *kolpatško* < *колпачёк* (ср. основы на *-a*) — так назывался модный в свое время головной убор замужней женщины.

г) некоторые названия календарных праздников: *kupolo* 'Иванов день, 24 июня' < *кунала*, *rästogo ~ rästägo* < *рождество*.

Образование основ на *-o* в последних двух словах можно объяснить аналогией с близкими по значению *čihlago* 'масленица' и *ghtogo* 'вечер', которые, вероятно, имеют или ранее имели деминутивное значение.

Среди русских заимствований с основами на *-o* есть еще *räto* < *ряд* (обычно с основой на *-u*) и *süto* 'судебное решение, суд' < *суд*. Относительно слова *räto* — возможно влияние значения рус. разг. деминут. *рядышком* или же огласовки слова *рядом*.

Гласную основу на *-o* нельзя связывать с фонетическими особенностями русского слова. Однако в приведенных словах прослеживается наличие деминутивного суффикса *-k(a)*, что еще раз говорит в пользу объяснения *-o* как деминутивного суффикса и в заимствованиях из русского языка.

Основы на *-u* и *-ü*⁴

Я. Калима рассматривает три возможных вида субституции окончания русского слова звуком *-u*: во-первых, субституция конечного краткого гласного *ь*, например, фин. *laatu* (< рус. *ладь*), *paru* (< рус. *бобь*) и *turku* (< рус. *тыргь*), во-вторых, в основу ряда слов могли лечь формы двух косвенных падежей от слов мужского рода II склонения: родительного со значением части целого (*genitivus partitivus*) и предложного со значением места (*locativus*) (Kalima 1955 : 60); в-третьих, в таком слове, как фин. *raamattu* 'библия', эст. *raamat (raamatu)* 'книга', основой является форма винительного падежа ед. ч. (*accusativus*) от слова женского рода на *-a* — *грамота* : *грамоту* (Kalima 1955 : 60).

Из заимствований на краткий гласный *-ь* в водском языке встречается только деформированное слово *uru* < *тыргь* 'торг, рынок', засвидетельство-

⁴ Основы на *-ü* русских заимствований — фонетические варианты основ на *-u*.

ванное лишь в народных песнях. Из заимствований женского рода на *-a* можно отметить лишь *brūju* < *сбруя*, вин. п. ед. ч. *сбрую*.

В основу подавляющего большинства заимствований с основой на *-u* легли формы родительного и предложного падежей от слов мужского рода, у которых в данных падежах единственного числа возможны формы на *u* — реликт древнего склонения на *ī* (Борковский, Кузнецов 1963 : 187). Необходимо при этом различать две группы слов. Первые — *nomina materiae* — имеют в родительном падеже значение части целого, например, *кусок сахарау*, вторые — *nomina loci* — в предложном падеже с предлогом *в* или *на* имеют обязательно ударение на окончании *u*, например, *в лесу́, на мосту́*.

Р.-П. Риттер отмечает, что в вепсском языке к словам на *-u* относятся односложные *nomina materiae*, в то же время как многосложные приобретают иные окончания (Ritter 1977 : 164). Примерно так же обстоит дело и в водском языке.

Nomina materiae с основой на *-u*: *jādu* < *яд* : *яду*, *korṭu* < *корм* : *корму*, *-mōu* 'яд' < *мор* : *мору*, *pāru* < *пар* : *пару*, *sīru* (вод. *sīra* считается балтийским заимствованием, см. Ariste 1956) < *сыр* : *сыру*, *sōru* 'мусор' < *сор* : *сору*, *tšāju* < *чай* : *чаю*.

Nomina loci с основой на *-u*: (*h*)*ādu* < *ад* : *в аду́*, *brōdu* < *брод* : *в броду́*, *hōdu* 'проход' < *ход* : *на, в ходу́*, *lōki*⁵ 'скошенная (но не убранный) трава' < *луг* : *на лугу́*, *pīru* < *пир* : *в пиру́* ~ *на пиру́*, *rāju* < *рай* : *в раю́*, *rātu* ~ *rätü* < *ряд* : *в ряду́*, *sātu* ~ *sādu* < *сад* : *в саду́*.

Слово *žāru* 'жар' может отражать форму как родительного падежа (*жару́*), так и предложного (*в жару́*).

Русские заимствования с *-u* на конце водской основы в языке источнике образуют группу слов, которая как бы сохраняет окончание определенного русского падежа. Основа на *-ü* выступает лишь в одном варианте (*rätü*).

Основы на *-ä*

Заимствования с основами на *-ä* происходят от следующих слов:

- 1) женского resp. мужского рода с окончанием на *-a*,
  - а) с твердой его разновидностью (в современном русском языке), например, *mārä* < *мера*, *rettšä* < *редька*,
  - б) с мягкой его разновидностью, например, *dādä* < *дядя*, *värjä* ~ *värjä* < *веревка*;
- 2) среднего рода с мягкой разновидностью окончания, например, *päissärä* < *паздерье* (resp. *паздер*), *pärämmä* ~ *pärähmä* 'охапка' < диал. *бремя* 'охапка, ноша'. Сюда же относится *värttänä*, исходная форма которого имеет твердое окончанием — рус. *веретено*.

Появление водской основы на *-ä* означает включение заимствования в систему гармонии гласных переднего ряда.

По сравнению с основами на *-a* в словах с основами на *-ä*, — правда, примеров очень мало — преобладают мягкая разновидность окончаний и нейтральные в отношении гармонии гласные *e* (*e*, *ь*) и *i* (*u*) в начальных слогах слов языка-источника.

Среди слов с твердым окончанием, относящихся к древним заимствованиям, *mārä* имеет в первом слоге *ā* (Kalima 1955 : 37), стимулирующий, вероятно, появление *ä*.

⁵ Относительно происхождения слова *lōki* исследователи высказывают сомнения (см. Kalima 1955 : 91; SKES 312). Слово представлено в картотеке водского языка только в одной записи.

Реконструкция, предложенная Л. Кеттуненом: *rettšä* < *retkä < *рьдька* (Kettunen 1931 : 31), объясняет фонетическое развитие после образования гласной основы на *-ä*, но не объясняет образования самой основы. Интересно отметить, что в южноэстонском диалекте слово адаптировано с гласной основой на *-a*: *ritk* : *rida* 'редька'. Возможно, основой для заимствования *rettšä* в водский язык послужил диалектный фонетический вариант со смягченными задненёбными смычными. О таком смягчении вследствие утраты слабого *ь* в слове *рьдька* говорится в исследовании В. И. Борковского и П. С. Кузнецова (1963 : 111): *редька* > *рег'к'а* (*редькя*). Следовательно, можно дополнить приведенную реконструкцию: *rettšä* < *retkä < *рег'к'а* (*редькя*) < *рьдька*, и считать возникновение гласной основы результатом палатализации в исходной русской диалектной форме.

В литературе есть указание на субституцию рус. *e* рядом с согласным *p* (*r*) финским гласным *-ä* (Plöger 1973 : 242). Почти во всех приведенных заимствованиях имеются слоги *ep(e)-*, которые, субституируясь в виде *-är(ä)*, стимулировали, видимо, не только появление гласной основы *-ä*, но и гармонию гласных: *värttänä* < *веретено*, *värjä* ~ *värjä* и даже *päissära* < *паздырь*.

Сокращения

Даль — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, Москва 1981—1982; СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1, Москва 1975, с. 295; IS — Inkeröismurteiden sanakirja, Helsinki 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский В. И., Кузнецов П. С., 1963, Историческая грамматика русского языка, Москва.
- Кузьмина А. Г. 1980, Заметки историка об одной лингвистической монографии. — ВЯ, № 4, 51—59.
- Лебедева А. А., 1971, Северо-западные, западные и южные губернии центра (Псковская, Новгородская, ...). — Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX вв.) Определитель, Москва.
- Мирецкий А. Л. 1970, О некоторых особенностях развития системы склонения существительных в живой новгородской речи XVII века. — Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности, Череповец.
- Ariste, P. 1952, Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaid keelelisi kokkupuuteid. — Looming, 698—706.
- 1956, Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk. — Eesti rahva etnilisest ajaloost, Tallinn.
- 1968, Grammar of the Votic Language, Bloomington—The Hague (UAS 68).
- Kalima, J. 1911, Die russischen Lehnwörter im syrjänischen, helsingfors (MSFOu XXIX).
- 1952, Slaavilaisperäinen sanastomme: tutkimus itämerensuomalaisen kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista, Helsinki (SKST 243).
- 1955, Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen, Berlin (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Ost-Europa der Freien Universität Berlin 8).
- Mikkola, J. J. 1938, Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch, Helsinki (MSFOu LIIV)
- Posti, L. 1959, Vatjan rōppa 'puuro' sanan alkuperästä. — Vir., 317—319.
- 1966, Suomen tankki pukimen nimityksenä. — Vir., 80—81.
- Plöger, A. 1973, Die russischen Lehnwörter finnischen Schriftsprache, Wiesbaden.
- Ritter, R.-P. 1977, Einige Beobachtungen zur Klassenbildung bei den wepsischen Substantiven russischer Herkunft. — Finnisch-Ugrische Mitteilungen, 161 — 169.
- Vilkuna, K. 1949, När kommo östersjöfinnarna till Balticum? — Folk-Liv XII—XIII 1948—1949, Stockholm, 15—43.

ADA AMBUS (Tallinn)

ÜBER DIE ANPASSUNG VON RUSSISCHEN RESP. SLAWISCHEN LEHNWÖRTERN AN DAS GRAMMATISCHE SYSTEM DES WOTISCHEN

Im Laufe der Zeit haben sich slawische resp. russischen Lehnwörter dem grammatischen System des Wotischen angepaßt, indem sie den Stufenwechsel und einige für die ostseefinnischen Sprachen typische Stammvokale angenommen haben.

Es ist aber auch möglich, daß alte slawischen Entlehnungen ihre einstigen Laute, wie z.B. im Wort *uru* 'Markt' (*trǫgъ*) die Endung *u* (*ъ*), die aus der russischen Gegenwartssprache längst verschwunden sind, erhalten haben. Andererseits beobachtet man bei den Stammvokalen in jüngeren Lehnwörtern oft Umbildungen zu solchen Stammvokalen, die besser zum System der wotischen Sprache passen (vgl. *sānikko* < *санки*).